

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО

К ВОПРОСУ О НЕНЕЦКО-ХАНТЫЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЯХ¹

Лексический состав диалектов² ненецкого языка в основной своей части весьма единообразен. Словарные расхождения по диалектам сводятся в конечном счете к различиям между лексическими формами отдельных слов; значительную часть таких различий легко объяснить, исходя из фонетических соответствий.

Вместе с тем по диалектам имеются лексические отличия, которые не сводятся к фонетическим. Например, для некоторых восточных говоров характерен ряд слов, не объясняемых на материале ненецкого языка (а также других самодийских языков) и не встречающихся в диалектах ненецкого языка, расположенных западнее Уральского хребта.

Так, для ямальского говора характерны такие слова, как: *ләнс'ак* «мыло» и соответственно: *ләнс'када (с')* «намылить»; *һөр* «печь» — *һөрм' п'ата(с')* «топить печь»; *пардон* «лекарство» — *пардонраоја* «как лекарство», *пардонм' пэриц'*, *пардон пэрич* «принимать лекарство», *пардонориц'*, *пардонорч* «пользоваться лекарством», *пардонорма* «пользование лекарством», *пардон тэмдолава* «аптека», *пардонја(с')* «пахнуть лекарством»; *васкуј* «купец» и соответственно: *васкујда(с')* «держаться купцом», *ас³* «овца» — *ас' пыја (асмыја)* «морда овцы»; *һосар*» (*һосарад*) «игральная карта» и соответственно: *һосариц'*, *һосарч* «играть в карты», *һосарма* «картежная игра», *һосарта* «картежный игрок», *һосарјебте(с')* «поиграть в карты»; *һокас''* «платок», *пәр'* «плот» и др.

Характерно при этом, что не все приведенные слова ямальского говора имеются в крайневосточных говорах Ямальского полуострова (в надымском и тазовском) и большинство из них не встречается у таймырских ненцев. В говорах ненецкого языка, расположенных западнее Уральского хребта, в этих случаях употребляются русские лексические заимствования. Например, у ненцев Большеземельской тундры: *мыла* «мыло» и соответственно: *мылата(с')* «намылить»; *печка*, *печь* «печь»; *лекарц'о* [наряду с *савумдаңгос''(н)*] «лекарство»; *һупец'* «купец»; *һовиц'а* «овца»; *һарта* (наряду с *ненэј Һарта* «имеющий серебряные края») «карта» и соответственно: *һарториц'* «играть в карты», *һарторма* «картежная игра», *һарторта* «картежный игрок», *һарторјебте(с')* «поиграть в карты»; *плат* «платок»; *плот* «плот» и др.

Представляется вполне вероятным, что перечисленные выше слова ямальского говора также являются заимствованными (как и слова, обозначающие аналогичные понятия в западных говорах). И действительно, близкие фонетические соответствия словам, приведенным нами в качестве

¹ Связи ненецкого и хантыйского языков сказываются наиболее отчетливо в области лексики и отчасти фонетики. Именно эти вопросы и составляют предмет рассмотрения предлагаемой статьи.

² Под термином «диалект» мы понимаем (как это принято в русской лингвистической науке) любое территориальное ответвление общенародного языка. Общие сведения о ненецких диалектах и их классификация даны в кн.: Н. М. Терещенко, Материалы и исследования по языку ненцев, М.—Л., 1956, стр. 182—200.

³ Слово *ас* наиболее распространено в приуральском говоре.

одной из характерных особенностей лексического состава ямальского говора, имеются в северных диалектах хантыйского языка (обдорском и казымском). Например:

ямальский говор ненецкого языка	северные диалекты хантыйского языка ¹	
<i>лӓнс'ак</i>	<i>лӓн'с'ак</i>	«мыло»
<i>ӓӓр</i>	<i>кӓр, кӓр²</i>	«печь»
<i>пӓрдон</i>	<i>пӓртун</i>	«лекарство»
<i>васкуј³</i>	<i>вошо</i> (в фольклоре)	«купец»
<i>ас</i>	<i>ас</i>	«овца»
<i>ӓосар''</i>	<i>кисыр</i>	«игральная карта»
<i>ӓокас''</i> (ӓокас'ан)	<i>оӓиам</i>	«платок (головной)»
<i>пӓр'</i>	<i>кӓр</i>	«плот»
<i>н'алк</i> «стройный» (о деревьях) ⁴	<i>н'отхи</i>	«пихта»

В этой связи представляет известный интерес тот факт, что некоторые русские лексические заимствования в ямальском говоре ненецкого языка имеют звуковой облик, близкий к их звучанию в северных диалектах хантыйского языка в отличие от тех же заимствований у ненцев, проживающих в более западных районах. Например:

большеземельский говор ненецкого языка	ямальский говор ненецкого языка	северные диалекты хантыйского языка	
<i>торбовка⁵</i>	<i>поска</i>	<i>пушкан</i>	«ружье», «дробовик»
<i>пис'ка</i>	<i>сера, сер'а</i>	<i>серанка</i>	«спичка»
<i>һарта</i>	<i>ӓосар''</i>	<i>кисыр</i>	«игральная карта» и др.

Наличие в ямальском говоре слов, общих со словами хантыйского языка, и известное сходство указанных выше фонетических явлений в этом говоре ненецкого языка и в хантыйском языке не случайны. Из народностей, проживающих восточнее Уральского хребта, приуральские и ямальские ненцы находятся в наиболее тесных отношениях с ханты. Частое взаимное общение этих народностей в некоторых случаях оказывает весьма существенное влияние на их хозяйство, быт, а следовательно, и на их язык.

Именно близостью ненцев, расселенных на территории Ямало-Ненецкого национального округа (преимущественно в более южных его частях), с хантами может быть объяснена известная неоднородность в составе ненецкого населения Ямальского полуострова.

Помимо коренного населения Ямальского района — носителей ненецких фамилий, — имеются ненцы, переселившиеся из других районов [например, *Вылка* (*W''ылка*), *Лӓптандер* (*Лабтандер*), *Пырерка*, перекочевавшие из Большеземельской тундры]. Каждую из фамилий носит ряд семейств, признающих между собой кровные родственные связи; поэтому можно предполагать, что фамилии эти образовались из родовых названий вследствие распада прежних родовых групп⁶. Большинство

¹ Хантыйский материал сообщен нам научным сотрудником Института языковедения АН СССР Н. И. Терешкиным.

² Ср. коми-зыр. *гор*. В надымском говоре ненецкого языка *кӓр*.

³ Возможно, что слово *васкуј* связано со словом *ушкуй* — так называли русские старожилы на Ямале большие лодки, на которых приезжали на Север торговые люди; последних по названию этих лодок именовали *ушкуйниками*.

⁴ См., например, в предложении: *Н'алк пӓдари'' помна миӓа* «Идет по лесу между стройными деревьями».

⁵ Или *тороб'һана мӓта* — дословно «употребляемый с дробью».

⁶ Об этом свидетельствуют ненецкие предания и факты дробления родов, относящиеся к сравнительно недавнему прошлому. Так, например, по словам ненцев, родовое подразделение *Ладукај* сравнительно недавно выделилось из рода *ӓокадӓта*. Из этого

фамилий, распространенных в Ямальском районе, имеется также и в других ненецких районах Ямало-Ненецкого национального округа (в особенности в Приуральском, Надымском, в меньшей степени в Тазовском).

Среди семей Ямальского полуострова особо выделяются семьи, носящие фамилии *НеркыҮы*, *Пандо*, *Порҕуҕи*, *Сал'андер*, *Тибича*. Фамилии эти расшифровываются на материале ненецкого языка¹. Их носители издавна живут на занимаемой ими сейчас территории; их родным языком является ненецкий язык; по роду своей хозяйственной деятельности, основным чертам материальной культуры, типу жилища, одежды они не отличаются сколько-нибудь существенно от остальной части ненецкого населения. Тем не менее и по их собственному утверждению и по имеющимся представлениям у остального коренного населения Ямальского полуострова члены указанных выше семей имеют не ненецкое, а хантыйское происхождение. У представителей этих фамилий сохраняются некоторые бытовые черты, не характерные для ненцев, но свойственные ханты. В частности, по отношению к женщине у этой группы населения частично сохраняются еще такие пережитки родового строя, которые не отмечены у ненцев. Так, например, на женщину (кроме старух после их «очищения») распространяется запрет в отношении употребления в пищу осетра в каком бы то ни было виде, тогда как ненкам запрещается есть осетра только в определенные периоды времени (разделянием осетра у ненцев занимаются только мужчины); женщины не могут ходить с непокрытой головой и повязывают платок так же, как хантыйки; в особенно тяжелые условия поставлены женщины из этих семей во время родов. Подобные запреты, частично сохраняющиеся до настоящего времени, носят у ненцев название «законов хаби»². В некоторых семьях этой группы пережиточно сохраняется несвойственный ненцам обряд похорон. Например, после смерти какого-либо члена семьи делают специальную куклу (*сидр'аңс*) и обращаются с ней, как с живым человеком; по истечении известного срока эту куклу хоронят, и только тогда производится оплакивание умершего.

В более южных районах расселения ненцев (например, в Приуральском) представители перечисленных выше фамилий еще тесно связаны с нижнеобскими хантами, некоторые лица из этих фамилий (преимущественно старики и отчасти лица среднего возраста) владеют хантыйским языком, наряду с ненецкими носят и хантыйские фамилии. В других не-

же рода выделилась, по-видимому, группа *Jamal*. Такое дробление родов связано, вероятно, с разложением родового строя, интенсивно начавшимся, судя по историческим данным, с середины XIX в. Получившиеся в результате дробления родов более мелкие групповые объединения мы условно именуем семьями, хотя учитываем пережиточно сохранившиеся отличия «семей» этого типа от семей в обычном смысле слова.

¹ Например, *НеркыҮы* обозначает «ивняковый» от слова *нерка* «ивняк», *Сал'андер* «мысовой» (слово сочетание слов *сал'а* «мыс» в форме род. падежа ед. числа и *тер* «содержимое», «житель»). Название *Тибича* образовано, очевидно, от слова *тибеј* «гнилой» и указывает на бедность в прошлом данной группы населения (ср.: *тибеј мал'ч'а* «гнилая, т. е. сильно изношенная и пропотевшая малица», *тибеј'пиwa* «сильно изношенные пимы» и пр.); надо отметить, что женщина из рода *Тибича* именуется *Тибей'*.

² Слово *хаби*, помимо того, что им обозначают представителей известной части ненецких родов в отличие от другой части ненецких же родов, представители которых именуется *насава'* (или *ненэј' ненэц'а'*), имеет в ненецком языке следующие значения: 1) «иноплеменник»; 2) «раб», «работник». В первом значении слово *хаби* служит нарицательным названием для ханты (*хаби*), манси (*сыя' хабисыяңгаби*), селькупов (*тасу' хаби — тасуңгаби*) и кетов (*јенэ'а' хаби — јенэ'аңгаби*). Женщину, взятую ненцем в жены не из своего племени, называют *хабене*. Наличие у слова *хаби* значения «раб», «работник» подтверждается существованием однокоренного глагола *хабиц'* «иметь рабом», «иметь работником». Т. Лехтисало переводит слово *хаби* как «слуга», «остяк» (Т. L e h t i s a l o, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki, 1956, стр. 159).

нецких районах Ямало-Ненецкого национального округа среди населения имеются еще некоторые хантыйские по своему происхождению группы, также усвоившие ненецкий язык и основные черты ненецкой материальной культуры¹.

Представители родов *habu* заключают браки с представителями родов *hasawa*². При этом в более северных районах расселения, где прежние ханты были почти полностью ассимилированы, они, по словам ямальских ненцев, прочно вошли в состав определенной ненецкой экзогамной группы, в силу чего могут вступать в брачные отношения с представителями лишь определенной ненецких родов. В низовьях Оби и на южном Ямале, где связь этих групп с хантами выступают более отчетливо, таких ограниченный не существует³.

Вопрос об исторических связях ненцев и ханты не получил достаточного освещения в литературе. Имеются, однако, данные, позволяющие судить о том, что взаимоотношения этих народностей начались в отдаленном прошлом. Упоминания о существовании в северной части Западной Сибири самоедов (ненцев) и остяков (ханты) можно найти уже в русских источниках XVI—XVII вв. В ненецком фольклоре содержится указания на многочисленные военные столкновения ненцев с *habu*, а также и на то, что взятые в плен становились рабами. Наиболее часты упоминания о победителях *hasawa*'' (или *ненэж*'' *ненэц'а*''), сохраняющих жизнь детей побежденных ими *habu* — при этом мальчики становились работниками, пастухами оленеводческих стад, девочки использовались для работы в чуме, а по достижении определенного возраста их можно было брать в жены. В фольклоре имеются также свидетельства того, что *hasawa*'', убив мужчин-*habu*, брали в жены женщин-*habu*.

Из исторических источников XVII и первой четверти XVIII в. известно о вооруженных нападениях ненцев на ханты. Однако социальная сущность этих вооруженных столкновений была уже качественно иной. Как можно судить на основании приведенных в источниках данных, это были в основной своей части налеты ненецких кочевников на хантыйских князьков, которые вместе со своими приверженцами угнетали тундру.

В более позднее время ученые и путешественники, побывавшие в районах расселения ненцев и ханты, отмечали тесные экономические связи между этими народностями, развившиеся на основе различных систем их хозяйства, — широкий обмен продуктами оленеводства, шкурами морских животных, с одной стороны, и продуктами рыболовецкого промысла, изделиями из дерева — с другой. В этом отношении особенно интересны наблюдения акад. В. Ф. Зуева, являвшегося участником знаменитой экспедиции П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь (1768—1774 гг.)⁴. Характерно, что уже В. Ф. Зуев говорит об определенных группах местного коренного населения, которые «суть как междуумки сих двух народов (т. е. ненцев и ханты. — Н. Т.)... они, замешавшись между сих двух народов, обоих приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остяцкими; ...и хотя они жен берут от остяков и самоедцов, но в том нет нисколько затруднения...»⁵. Нам представляется

¹ По свидетельствам ненцев, к роду *НеркыОуы* первоначально относился вышедший из него впоследствии род *Ламдо*, но у представителей этого рода не отмечено обычая *habu*.

² Слово *hasawa*, наряду со словосочетанием *ненэж*'' *ненэц'а*'', является самоназванием ненцев, расселенных восточнее Уральского хребта.

³ На это обстоятельство указывает также Г. Д. Вербов в статье «Пережитки родового строя у ненцев» (сб. «Советская этнография», II, М.—Л., 1939, стр. 61).

⁴ См. В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772), М.—Л., 1947, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 21—22

вполне вероятным, что В. Ф. Зуев имеет здесь в виду хантыйские по своему происхождению роды, подвергшиеся сильному влиянию со стороны ненцев.

Сходное наблюдение было сделано и финским ученым Т. Лехтисало, который в 1911—1914 гг. собирал материалы по языку и этнографии ненцев: «Если остяк приходит в тундру в качестве пастуха оленеводческого стада, он осамоедывается и получает самоедскую фамилию Сальянтер (житель Обдорска)»¹. Явление это распространено значительно шире, чем можно заключить из приведенного высказывания. Речь может идти об ассимиляции не отдельных пастухов-ханты, а о целой группе хантыйских по своему происхождению родов, однако самый факт, с нашей точки зрения, отмечен правильно.

Все приведенные выше материалы, как нам кажется, свидетельствуют о том, что ханты, расселявшиеся в прошлом в собственно тундровых районах с преимущественным ненецким населением, были ассимилированы последним. При этом хантыйский язык оказал заметное влияние на язык ненцев, в первую очередь на его лексический состав и отчасти на фонетику.

*

Несколько иное положение наблюдается по отношению к группе лесных ненцев. По мнению М. А. Кастрена, лесные ненцы представляют собой переходное звено, связующее «...северных самоедов, кочующих у Ледовитого океана, с южными — алтайскими»²; Г. Д. Вербов, специально занимавшийся изучением языка лесных ненцев, считал, что они составляют самостоятельную племенную группу, говорящую на диалекте ненецкого языка, являющемся по отношению к языку тундровых ненцев «архаичным»³.

По данным исследователей⁴, в хозяйственной деятельности лесных ненцев много общего с ханты (оленей по окончании «комариного времени»⁵ отпускают в тайгу без специального присмотра, одинаково устроены амбары, употребляются того же образца лодки, летняя обувь⁶). Виды нарт, олени упряжь, способы поимки оленей, тип жилища, одежда, утварь и пр. у лесных ненцев почти не отличаются от того, что характерно для тундровых ненцев.

Лесные ненцы находятся в тесном контакте с хантами главным образом в бассейне рек Агана и Казыма, в районе озера Нум то и на некоторых притоках Ваха. В летнее время ненцы и ханты нередко вместе рыбачат на северных притоках Агана. Большинство аганских ненцев владеет хантыйским языком. Лесные ненцы, кочующие в бассейне реки Пура, хантыйским языком владеют в меньшей степени. Г. Д. Вербов указывает на издавна существующие брачные связи между лесными ненцами и хантами, носящие характер определенной системы⁷.

Контакт между лесными и тундровыми ненцами до последних лет был довольно слабый. Взаимное языковое общение этих двух групп ненцев

¹ Т. Lehtisalo, указ. соч., стр. XXXIV.

² М. А. Castrén, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St.-Petersburg, 1856, стр. 67.

³ Г. Д. Вербов, Диалект лесных ненцев (рукопись хранится в архиве Института этнографии Академии наук СССР в Ленинграде).

⁴ Эти данные берутся нами преимущественно из материалов Г. Д. Вербова и Г. Н. Прокофьева.

⁵ «Комариным временем» ненцы называют ту часть лета, когда бывает особенно много комаров (приблизительно июль месяц).

⁶ Летняя обувь из оленьей замши по хантыйскому образцу (*таңад*) распространена также у ямальских и приуральских ненцев.

⁷ Г. Д. Вербов, Пережитки родового строя у ненцев, стр. 59.

значительно затруднено, хотя основные отличия между их наречиями относятся преимущественно к области фонетики и сводятся в основном к следующему: 1) наличие в пуровском и ляминском говорах лесного наречия звуков *t, t'*, которые отсутствуют во всех говорах тундрового наречия, но имеются в ряде диалектов хантыйского языка (казымском, сургутском); 2) наличие во всех говорах лесного наречия переднеязычного глухого спиранта, всегда слегка палатализованного и производимого шепеляво — *ш* (в транскрипции Г. Д. Вербова — *ς*); 3) отсутствие в лесном наречии звонких смычных, вместо которых выступают соответствующие глухие¹.

Отличия в области грамматики невелики — оба эти наречия ненецкого языка в полной мере сохранили общие основы грамматического строя.

Большая часть лексических различий объясняется имеющимися между наречиями расхождениями в области фонетики. Звуковая форма значительного числа слов лесного наречия настолько отличается от звуковой формы аналогичных слов тундрового наречия, что для установления общего источника их происхождения требуется специальный фонетический анализ. Ср., например:

большеземельский говор тундрового наречия	пуровский говор лесного наречия	
<i>har'o</i>	<i>ka'y</i>	«журавль»
<i>hal'mer</i>	<i>ke'mel</i>	«покойник»
<i>s'ojar'¹</i>	<i>sewał</i>	«дуга (у зыбки)»
<i>padara</i>	<i>metala</i>	«лес»
<i>jiiri</i>	<i>niti</i>	«дед»
<i>jab</i>	<i>w'an</i>	«счастье»
<i>jin'a</i>	<i>wiya</i>	«ремень»
<i>tydž'(n)</i>	<i>tytyŋ</i>	«кедр»

Говорящими на обоих наречиях слова этого типа воспринимаются обычно как различные.

В силу отличий в звуковом составе рассматриваемых наречий заимствованные из одного и того же языка слова имеют в обоих наречиях разный звуковой облик в зависимости от фонетических норм каждого из них. Так, например, русск. *короса* в тундровом наречии превратилось в *haroša*, а в лесном наречии — в *kolamə²*, слово *русский* в большинстве говоров тундрового наречия звучит, как *луца*, а в лесном наречии, как *туца*, и др.

Во всех этих и подобных им случаях мы имеем дело с регулярными звуковыми соответствиями: начальному звуку *h* большеземельского говора тундрового наречия в пуровском говоре лесного наречия соответствует *к*, звуку *w* — *м*, звуку *j* — *w'* (иногда *h'*), гортанному смычному, чередующемуся с *h*, — звуку *ŋ*, звукам *л, л'* во всех позициях и звукам *р, р'* в первом слоге — звуки *t, t'*, звуку *h'* — *j*; звонкие смычные заменяются соответствующими глухими; гласный *o* в первом слоге заменяется звуком *y*, а гласный *ə* в значительном числе случаев — гласным *ы*.

Вместе с тем различия ряда слов в этих наречиях не могут быть объяснены фонетическими расхождениями. Некоторые из слов лесного наречия, отличающиеся от соответствующих слов тундрового наречия, сближаются с аналогичными словами других самодийских языков. Например:

¹ Ср. тенденцию к оглушению звонких взрывных согласных в восточных говорах тундрового наречия.

² До последнего времени слов, заимствованных из русского языка, в лесном наречии ненецкого языка было относительно немного.

пуровский говор лесного наречия	нганасанский язык	энецкий язык	селькупский язык	камасинский язык	
<i>шē</i>	<i>сиеја</i>	<i>сиоро</i> (<i>вай</i>)	<i>се</i>	<i>сикӗ</i> (<i>џекэ</i>)	«язык» (анатомический)
<i>ше¹</i>	<i>суа</i>	<i>сӱҕу</i> (<i>маду</i>)	<i>соа</i>	<i>сӑ</i>	«смола»

«Медведь» у лесных ненцев обозначается словом *апэј*. Слово *апэј*, как и тундровое *һ.бид'а*, является подставным названием медведя. Прямым служит редко употребляющееся слово *walk* (ср. тундр. *wark*). Судя по материалам Г. Д. Вербова, слово *апэј* встречается у лесных ненцев в составе названий некоторых других животных, например *јамп апэј* «змея» (*јамп* «длинный», большеземельск. *јамб*), и даже некоторых метеорологических явлений, например: *апэј һа'у* «ливень» (букв.: «сильный дождь»).

Т. Лехтисало сопоставляет слово *апэј* со сходными словами некоторых тюркских и тунгусского языков, в которых слово *абаі* означает «медведь»². В позднейшей по времени работе Т. Лехтисало приводит интересный материал по употреблению слова *апӑ* (*апэј*) у лесных ненцев³.

Ряд слов лесного наречия, не сопоставляемых ни со словами тундрового наречия, ни со словами других самодийских языков, могут быть объяснены из хантыйского языка. Например:

большеземельский говор тундрового наречия	пуровский говор лесного наречия	северные диалекты хантыйского языка	
<i>јуно</i>	<i>лаw</i>	<i>лаw</i> (обдорск.) ⁴ <i>low</i> (казымск.)	«лошадь»
<i>һабарта⁵</i>	<i>күтwај</i> (<i>күтwај</i>)	<i>күр(әң) wој</i> ⁶	«лось»
<i>ңум'</i>	<i>тӑнӑ</i>	<i>тӑрн</i> (казымск.) ⁷	«трава»
<i>тӑн</i>	<i>кӑм</i>	<i>кум</i>	«амбар», «сарай»
<i>јӑмбыт'</i> (д)	<i>јетӑс</i>	<i>јернас</i>	«рубашка»
<i>тол</i>	<i>пӑсан</i>	<i>пӑсан</i> (казымск.) <i>пӑсӑн</i> (ваховск.) ⁸	«стол»
<i>туни</i>	<i>пӑска</i>	<i>пушкан</i>	«ружье»
<i>пис'а</i>	<i>јаңкај</i>	<i>јаңкәр</i> (сургутск.) <i>леңкәр</i> (казымск.) <i>леңкәр</i> (ср.-обск.)	«дробовик» «мышь»
<i>јарако</i>	<i>ңомп, ңомпы</i>	<i>эмпи</i> (казымск.) <i>умпә</i> (ср.-обск.)	«ковш», «черпак»
<i>падар"</i>	<i>непак, непәк</i>	<i>нәпек</i> (казымск.) <i>һипак</i> (ваховск.)	«бумага»
<i>ңоwц'а</i>	<i>һ'аӑк</i>	<i>һ'әтһә, һ'отһи</i> (казымск.)	«пихта»
	<i>ңасне</i> (<i>ңас не</i>)	<i>не ас</i> ⁹ (обдорск.)	«овца»

¹ У ненцев Таймырского полуострова «смола» обозначается словом *се*('), отсюда глагол *сета*(с') «осмолить», «засмолить», *се*(') *ја*(с') «пахнуть смолой» и др. В приуральском говоре также имеется слово *се*(') (д), но в значении «сера» — *һа' се*(') (*һанге*(')) «сера в ушах».

² Т. Lehtisalo, Zur Jagd bei den Juraksamojeden, Helsinki, «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. 30, 1913, стр. 18. В восточных говорах эвенкийского языка медведь называется словом *абэј* [см. «Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь», сост. Г. М. Василевич, М., 1940, стр. 181]. В приуральском и ямальском говорах тундрового наречия ненецкого языка также имеется слово *абэј*, обозначающее сильною и часто злого духа.

³ Т. Lehtisalo, Juraksamojedisches Wörterbuch, стр. 10—11.

⁴ Ср. венгерск. *l'o, l'i* «лошадь».

⁵ В дословном переводе означает «очень быстро бегущий», так как глагол *һабарц'* «снять, ободрать шкуру (с крупного животного)» имеет переносное значение «побежать так быстро, словно выскакивая из собственной шкуры». В ямальском говоре «лось» называется *һаборта* (дословно «величавый», от глагола *һаборц'*, *һаборч* «быть величавым»).

⁶ Дословно «ногастый» зверь» (*күр* «нога», *-әң* — суффикс обладания, *wој* «зверь»).

⁷ Ср. коми *турын* «трава».

⁸ Ср. коми *пызан* «стол».

⁹ *Ас* в обдорском диалекте хантыйского языка обозначает «овца», слово *не* — «женщина».

Наблюдающиеся при этом звуковые соответствия сводятся в основном к следующему: звуку *p* хантыйского языка в пуровском говоре лесного наречия соответствует *t*, звуку *n'* — *j*. Имеются и другие звуковые изменения в соответствии со свойственными лесному наречию ненецкого языка фонетическими особенностями: если в хантыйском языке слово начинается с гласного звука, в лесном наречии к нему добавляется начальный заднеязычный *n* (*ɲ*); возможна перестановка звуков и др. Характерно, что в случаях, когда в хантыйском языке основа слова осложнена тем или иным суффиксом, в лесном наречии воспринимается только основа слова.

Даже немногочисленные приведенные примеры могут, с нашей точки зрения, свидетельствовать о том, что тесное общение лесных ненцев в ряде районов их обитания с ханты наложило определенный отпечаток на их язык.

Таким образом, можно говорить о том, что в результате древнего контакта между ненцами и ханты на территории нынешнего Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области имело место как взаимодействие между этими языками, с одной стороны, так и некоторые явления субстратного порядка — с другой.
